

Объект посредничества во взяточничестве

Л.А. БУКАЛЕРОВА – профессор кафедры уголовного права и криминологии ВИПЭ ФСИН России, доктор юридических наук, профессор;

Ю.Б. ГАВРЮШКИН – доцент кафедры противодействия незаконному обороту наркотиков Всероссийского института повышения квалификации сотрудников МВД России

В статье дается уголовно-правовая характеристика одного из наиболее распространенных и опасных проявлений коррупции – посредничества во взяточничестве, которое рассматривается на основе анализа норм уголовного права, законодательства о государственной и муниципальной службе, а также судебной и следственной практики. Сравниваются характер и степень общественной опасности посредничества во взяточничестве с общественной опасностью действий по непосредственному получению и даче взятки.

Ключевые слова: посредничество во взяточничестве; объект преступления; получение взятки; дача взятки; общественная опасность.

A mediation object in bribery

L.A. BUKALEROVA – a professor of the Criminal Law and Criminology chair, the Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia, Doctor of Law, Professor;

YU.B. GAVRYUSHKIN – an associate professor of the chair of counteraction the illegal drug traffic, the All-Russian Refresher Training Institute of officers of the Russian Ministry of Internal Affairs

The penal characteristic features of one of the widely-spread and dangerous types of corruption - a mediation object in bribery are given in the article considered on the basis of the Criminal Law norms, the state and municipal service legislature including the judicial and investigating practice. The character and range of a public danger of mediation object in bribery and the public danger of actions concerning bribe taking and bribe in taking are compared in the article.

Key words: a mediation object in bribery; an object of a crime; bribe taking; bribe in taking; a public danger.

Посредничество во взяточничестве – одно из наиболее распространенных и опасных проявлений коррупции, обладающее высокой латентностью. Так, по данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, в 2012 г. была выявлена 31 010 преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления (из них совершенных в крупном или особо крупном размерах либо причинивших крупный ущерб – 911), в том числе взяточничество составило 9758 случаев, посредничество во взяточничестве – 399 (из них совершенных в крупном или особо крупном размерах либо причинивших крупный ущерб – 417 и 84 соответственно), преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях – 2532¹.

Федеральным законом от 04.05.2011 г. 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» в УК РФ была введена ст. 291.1 «Посредничество во взяточничестве»². Несмотря на то что субъект преступления не является должностным лицом, данная статья внесена в гл. 30 УК РФ «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления»³.

Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума от 09.07.2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»⁴ пояснил, что взяточничество

посягает на основы государственной власти, нарушает нормальную управленческую деятельность государственных и муниципальных органов и учреждений, подрывает их авторитет, деформирует правосознание граждан, создавая у них представление о возможности удовлетворения личных и коллективных интересов путем подкупа должностных лиц, препятствует конкуренции, затрудняет экономическое развитие.

Посредничество во взяточничестве, в том числе в исполнительной власти, опасно тем уроном, который оно причиняет в сфере государственного и общественного управления. Оно влечет за собой вредные последствия для государства, общества, личности. Также посредничество является активно действующим криминогенным фактором для ряда других тяжких преступлений.

Например, Следственный комитет Российской Федерации завершил расследование уголовного дела в отношении замдиректора департамента Счетной палаты Российской Федерации В. Корягина и инспектора инспекции по контролю за федеральной собственностью С. Климантова, обвиняемых в получении взятки в размере 120 тыс. долларов. Посредником в получении взятки был первый замглавы администрации Владивостока С. Дубовицкий. В 2007 г. Климантов проверял Научный центр акушерства, гинекологии и перинатологии Росмедтехнологий, где было выявлено отсутствие государственной регистрации прав собственности на земельные участки и объекты недвижимости, находящиеся на балансе центра. Тем не менее в 2004 г. с нарушением закона центром был заключен инвестиционный контракт на строительство жилого комплекса на земельном участке, находящемся в его ведении. За невключение этого нарушения в акт проверки сотрудники Счетной палаты попытались получить деньги с застройщика⁵.

Следует не согласиться с Г.К. Бурановым в том, что получение взятки как непосредственное посягательство на авторитет и интересы власти более вредоносно, чем дача взятки и посредничество во взяточничестве, так как нарушение объекта преступления происходит изнутри, самим субъектом управленческих отношений – должностным лицом. Взяткодатель и посредник воздействуют на объект извне, отдалены от него, фактически опосредуя результат через поведение взяткополучателя⁶. На наш взгляд, посредник является лицом, которое напрямую способствует получателю взятки, он яв-

ляется тем, кому виновный доверяет, в ряде случаев должностное лицо не стало бы совершать преступление без наличия надежного посредника.

Г.К. Буранов отмечает, что оценить соотношение опасности дачи взятки и посредничества во взяточничестве сложно. Резонно предполагать, что взяткодатель – более опасная фигура, чем посредник, поскольку без него взяточничество немислимо. С другой стороны, в определенных случаях криминальная сделка не может состояться без посредничества. Например, если взяткодатель и взяткополучатель не знакомы, боятся быть уличенными при непосредственном контакте и т.д., на первый план выдвигается посредник как основной участник сделки⁷.

По одному из уголовных дел суд в приговоре указал, что Дудин, являясь посредником, получив от Г. предназначенную для Пахомова взятку, скрыл ее, положив деньги в пакет, что следует из установленных судом обстоятельств дела, пытался устранить препятствия в получении взятки Пахомовым, выразившиеся в том, что тот опасался получить взятку лично⁸.

Таким образом, нельзя признать, что деяния посредника обладают меньшей общественной опасностью, чем действия взяткодателя и взяткополучателя. По сути, все трое являются соучастниками одного двухстороннего преступления (дача-получение взятки), так как обладают единым умыслом и при этом посягают на один объект.

Важно, что Верховный Суд Российской Федерации по одному из уголовных дел по ст. 291.1 УК РФ определил, что посредник Хаджимурадов совершил с использованием служебного положения особо тяжкое коррупционное преступление, представляющее повышенную общественную опасность⁹.

Роль посредника в совершении ряда должностных преступлений велика: зачастую взятки невозможны без его участия, на что указал Верховный Суд Российской Федерации в кассационном определении от 07.12.2010 г. № 66-О10-201 по делу К.Г. Селянцева и генерального директора ЗАО, осужденного по ч. 5 ст. 33, п. «г» ч. 4 ст. 290 УК РФ. В 2008 г. ЗАО подало заявление об окончании строительства блоксекций и получении заключения о соответствии объектов проектной документации. В связи с тем, что при строительстве были сделаны некоторые упущения, эксперты указали на необходимость переделать документацию, но после устранения недостатков

заклучение, несмотря на неоднократные попытки, получено не было. Генеральный директор ЗАО К. обратился к К.Г. Селянцеву, занимавшему должность руководителя Агентства государственной экспертизы в строительстве области, который сказал, что Э.В. Дятлову, от которого зависело принятие решения, нужно заплатить определенную сумму. Суд в приговоре указал, что его роль при получении Э.В. Дятловым взятки была значительна и активна, именно он вел переговоры с К. и Э.В. Дятловым, предоставляя обоим информацию о результатах переговоров, без его участия получение взятки было бы невозможным¹⁰.

Видовым объектом любого преступления, входящего в гл. 30 УК РФ, А.У. Садыков считает общественные отношения и интересы, обеспечивающие законную и эффективную деятельность органов государственной власти, государственной службы и службы в органах местного самоуправления.

П.С. Яни его определяет как регулируемые соответствующими законодательными и подзаконными актами отношения в сфере деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, аппарата управления Вооруженных сил Российской Федерации, других войск и воинских формирований Российской Федерации, а также в сфере деятельности государственных и муниципальных учреждений, государственных корпораций¹¹.

В названии гл. 30 УК РФ речь идет о государственной службе и службе в органах местного самоуправления. Понятие государственной службы содержится в Федеральном законе от 27.05.2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» и некоторых других нормативных актах. Но при описании признаков большинства должностных преступлений и даже в дефиниции должностного лица термин «служба» законодателем не используется.

П.С. Яни, проанализировав более 22 тыс. решений высших судебных органов по уголовным делам, опубликованных к августу 2011 г. в СПС «КонсультантПлюс», пришел к выводу, что понятие должностного лица содержится в 1200 определениях и постановлениях, однако лишь в двух определениях судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации это понятие раскрывается со ссылкой на государственную гражданскую службу. Кроме того, значительное число субъектов должностных преступлений не являются госу-

дарственными либо иными служащими, например врачи и преподаватели.

Ссылка на законодательство о службе применяется при квалификации должностных преступлений лишь при установлении перечня специальных субъектов, названных в некоторых статьях гл. 30 УК РФ наряду с должностными лицами: государственных служащих и служащих органов местного самоуправления, не являющихся должностными лицами. В тех же редких случаях, когда в описании признаков должностного преступления используются термины «служба» и даже «интересы службы» (например, в ч. 1 ст. 285 УК РФ), содержание этих понятий раскрывается в том числе и в высших актах судебного толкования закона (постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации) без ссылки на нормативные акты, в которых приведены понятия государственной службы и службы в органах местного самоуправления (например, п. 15 и 19 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 16.10.2009 г. № 19)¹².

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.07.2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» о службе упоминает также 20 раз, однако только при указании, что деяние было совершено именно «по службе». Поэтому мы согласны с автором, что попытка выработать дефиницию должностного преступления с использованием категории «служба» видится лишеной смысла.

Р.А. Гребенюк родовым объектом взяточничества считает общественные отношения, возникающие в связи с выполнением должностным лицом, а равно государственным или муниципальным служащим, не являющимся должностным лицом, своего служебного долга в процессе осуществления государственной или муниципальной службы. Видовым объектом взяточничества являются общественные отношения, складывающиеся в процессе выполнения такой составляющей служебного долга должностного лица, как запрет получать вознаграждение от юридических и физических лиц в связи с исполнением служебных обязанностей¹³.

Следует согласиться с данным ученым в том, что на государственную власть как на способность государства управлять не может посягать ни одно из предусмотренных в УК РФ деяний. Эта способность предопределена самим свойством государства,

его природой. Возможны посягательства лишь на порядок осуществления государственной власти, который включает в себя, с одной стороны, внутренний распорядок функционирования государственных органов, а с другой – порядок сношений этих органов с объектами государственного управления. В первом случае следует вести речь о государственной службе, во втором – о порядке управления. В силу этого указание на государственную власть должно быть изъято из наименования гл. 30 УК РФ, а оптимальным названием должно стать «Преступления против интересов государственной и муниципальной службы»¹⁴.

Однако вызывает сомнения утверждение Р.А. Гребенюка о том, что видовым объектом взяточничества являются общественные отношения, складывающиеся в процессе выполнения такой составляющей служебного долга должностного лица, как запрет получать вознаграждение от юридических и физических лиц в связи с исполнением служебных обязанностей. Считаем, что уголовный закон не охраняет служебный долг должностного лица, выражающийся в запрете получать вознаграждение от юридических и физических лиц в связи с исполнением служебных обязанностей.

Заметим, что ранее ряд исследователей считали объектом должностных преступлений государственный аппарат или функционирование такового, то есть отношения властвования, а А.Н. Трайнин полагал, что должностные преступления в принципе не могут иметь родового объекта, так как сама постановка вопроса о родовом объекте данной группы преступлений есть логическая ошибка. Он указывал на важную политическую ценность, на которую посягает каждое должностное преступление, – государственную дисциплину. Б.С. Утевский считал объектом должностных преступлений управление социалистическим государством и социалистическим хозяйством, или «интересы этого управления». Автор указывал на необходимость различать управление государством как деятельность должностных лиц и порядок управления как определенные общественные отношения, установленные в государстве. Первое является общим объектом должностных преступлений, второе – преступлений против порядка управления. Как видно, родовый объект должностных преступлений у Б.С. Утевского лишен природы социальной связи.

Сравнивая название гл. 30 УК РФ с названиями подобных глав уголовных законов

других стран, можем сказать следующее: в УК Литвы 2000 г. содержится гл. XXXIII «Преступления и уголовные проступки против государственной службы и публичных интересов», УК Польши 1997 г. – «Преступления против деятельности государственных учреждений и органов местного самоуправления».

Авторы научных исследований по рассматриваемой проблеме в последние годы исходят из понимания видового объекта должностных преступлений как общественных отношений, складывающихся в процессе правильного функционирования органов государственной власти.

Итак, видовым объектом должностных преступлений является совокупность общественных отношений, складывающихся в сфере государственной власти и нормальной управленческой деятельности государственных и муниципальных органов и учреждений.

Вопрос о непосредственном объекте посредничества во взяточничестве до сих пор не решен в теории уголовного права. Выделяются три принципиальных подхода: 1) непосредственный объект взяточничества может лежать вне сферы отношений, характеризующихся в качестве родового объекта (Б.С. Утевский, В.Д. Меньшагин); 2) непосредственный объект взяточничества совпадает с родовым, так что посягательство осуществляется прямо на родовый (видовой) объект (Н.П. Кучерявый, А.Б. Сахаров); 3) непосредственный объект соотносится с родовым (видовым) как часть и целое (Б.В. Здравомыслов, А.Я. Светлов, В.Ф. Кириченко).

В последние годы в теории уголовного права преобладает концепция отдельного звена или направления деятельности государственного аппарата, сформулированная еще Б.В. Здравомысловым: непосредственным объектом должностного преступления являются те конкретные общественные отношения, которые составляют содержание нормальной работы отдельного звена государственного или общественного аппарата либо отдельных организаций, учреждений.

В.Е. Мельникова пришла к выводу, что организация публичного аппарата строится из отдельных звеньев, осуществляющих функции по учету, контролю, управлению и т.п., каждому звену аппарата соответствует своя функция, поэтому непосредственным объектом взяточничества выступают основные направления правильной деятельности

отдельных звеньев государственного или общественного аппарата. Как видим, разрабатывая различные юридические критерии выделения непосредственного объекта взяточничества и иных должностных преступлений, указанные авторы искали его в структурных подразделениях самого аппарата.

Нельзя согласиться с В.И. Тюниным в том, что непосредственным объектом посредничества во взяточничестве являются общественные отношения, регламентирующие установленный порядок исполнения обязанностей должностными лицами без запрещенного законом материального вознаграждения¹⁵. Законный порядок прохождения службы исключает не только возмездное оказание услуг, но и ряд других

нормативно закрепленных правил, при этом субъект не является специальным.

Представляется, что решать вопрос о непосредственном объекте посредничества во взяточничестве нужно с нескольких позиций. Необходимо обозначить то общественное отношение, которое всегда нарушается при посредничестве во взяточничестве, оно и будет непосредственным объектом. В этой связи непосредственным объектом посредничества во взяточничестве являются те общественные отношения в деятельности органов государственной власти и местного самоуправления, которые непосредственно нарушены виновным при содействии взяткодателю или взяткополучателю.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Состояние преступности в России за январь–декабрь 2012 г. http://mvd.ru/upload/site1/document_file/vIXMMRlab8.pdf. С. 28.

² См.: СЗ РФ. 2011. № 19. Ст. 2714.

³ О проблемах ответственности за коррупцию см. подр.: Букалорова Л.А., Гаврюшкин Ю.Б. К вопросу о введении института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц // Проблемы в российском законодательстве. 2012. № 4. С. 167–171.

⁴ См.: Российская газета. 2013. 17 июля.

⁵ См.: Инспекцию Счетной палаты оформили уголовным делом // Коммерсантъ. 2009. 8 мая.

⁶ См.: Буранов Г.К. Наказуемость получения и дачи взятки, посредничества во взяточничестве // Российская юстиция. 2012. № 2. С. 30–32.

⁷ См.: Там же.

⁸ См.: Определение Верховного Суда Российской Федерации от 18.01.2010 г. № 33-009-30.

⁹ См.: Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 22.08.2012 г. № 20-О12-19.

¹⁰ Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ См.: Волженкин Б.В. Служебные преступления. СПб., 2005. С. 52–53. Этот известный криминалист предлагал именовать гл. 30 УК РФ как «Преступления против интересов публичной службы».

¹² См.: Там же. С. 66.

¹³ См.: Гребенюк Р.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика взяточничества: Дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004.

¹⁴ См.: Там же.

¹⁵ См.: Тюнин В.И. Посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ) // Российская юстиция. 2011. № 8. С. 21–23.

¹ Sm.: Sostojanie prestupnosti v Rossii za janvar'–dekabr' 2012 g. http://mvd.ru/upload/site1/document_file/vIXMMRlab8.pdf. S. 28.

² Sm.: SZ RF. 2011. № 19. St. 2714.

³ O problemah otvetstvennosti za korrupciju sm. podr.: Bukaleroва L.A., Gavryushkin Ju.B. K voprosu o vvedenii instituta ugovolno-pravovogo vozdejstviya v otnoshenii juridicheskikh lic // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2012. № 4. S. 167–171.

⁴ Sm.: Rossijskaja gazeta. 2013. 17 ijulja.

⁵ Sm.: Inspekciju Schetnoj palaty oformili ugovolnym delom // Kommersant#. 2009. 8 maja.

⁶ Sm.: Buranov G.K. Nakazuemost' poluchenija i dachi vzjatki, posrednichestva vo vzjatochnichestve // Rossijskaja justicija. 2012. № 2. S. 30–32.

⁷ Sm.: Tam zhe.

⁸ Sm.: Opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 18.01.2010 g. № 33-009-30.

⁹ Sm.: Kassacionnoe opredelenie Verhovnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 22.08.2012 g. № 20-O12-19.

¹⁰ Dokument opublikovan ne byl. Dostup iz SPS «Konsul'tantPljus».

¹¹ Sm.: Volzhenkin B.V. Sluzhebnye prestuplenija. SPb., 2005. S. 52–53. Jetot izvestnyj kriminalist predlagal imenovat' gl. 30 UK RF kak «Prestuplenija protiv interesov publichnoj sluzhby».

¹² Sm.: Tam zhe. S. 66.

¹³ Sm.: Grebenjuk R.A. Ugolovno-pravovaja i kriminologičeskaja harakteristika vzjatochnichestva: Dis. ... kand. jurid. nauk. Stavropol', 2004.

¹⁴ Sm.: Tam zhe.

¹⁵ Sm.: Tjunin V.I. Posrednichestvo vo vzjatochnichestve (st. 291.1 UK RF) // Rossijskaja justicija. 2011. № 8. S. 21–23.